

СОЦИОЛОГИЯ

В.В. Галиндабаева

Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ

Особенности формирования новой социальной структуры в Монголии на рубеже XX – XXI вв.

Статья посвящена одному из важнейших процессов современной Монголии – пореформенному изменению социальной структуры общества. Рассматривается появление новых изменений статуса существовавших слоев и общностей, основные аспекты социальной поляризации.

V.V. Galindabaeva

Formation of a New Social Structure in Mongolia in the end of XX – beginning of XXI Century

The article discusses the process of formation of a new social structure in modern Mongolia, after free-market reforms were carried out. Author consider emergence of new social stratus, groups, main aspects of social differentiation.

В начале 1990 г. правительство Монголии начинает проводить экономические реформы по созданию рыночной экономики. Для этого была выбрана стратегия «шоковой терапии», которая предполагала либерализацию цен, ваучерную приватизацию государственной собственности, свободную внешнюю торговлю и разрешение иностранных инвестиций. Результаты первых этапов рыночных реформ давали надежду на быструю трансформацию экономики, рост ВВП и повышение уровня жизни населения. Однако сегодня экономисты вынуждены признать, что на пути к рыночной экономике и демократическому обществу у страны остается по сей день немало препятствий как экономического, так и социального характера.

Переход к рыночным отношениям стимулировал серьезные перемены в социальной структуре монгольского общества. До 1990 г., по официальным данным, монгольское общество было практически однородным по уровню официальных доходов, то есть более 90% населения – средний класс, бедные составляли 4% населения. С началом радикальных экономических реформ и сокращением финансирования социальной сферы структура

монгольского общества существенно изменилась. Первоначально предполагалось, что ваучерная приватизация сформирует сильный класс мелких и средних собственников, которые составят основу общества. Достаточно представленный средний класс является одним из важнейших факторов общественной стабильности, однако практика посткоммунистических стран показала, что форсированные экономические реформы ведут к резкому обнищанию основной части населения.

Прирост населения стал постепенно снижаться еще с 80-х гг. XX в., когда страна постепенно начала переход от традиционного типа воспроизводства населения к современному, от большой семьи к нуклеарной. Социально-экономический кризис 90-х, вызвавший резкое падение доходов, усугубил демографическую ситуацию. В 1989 г. прирост населения составлял 2,9% в год, а в 1999 г. – 1,4%. То есть сокращение темпов прироста населения за 10 лет составило 52% [A strategy for poverty reduction in Mongolia. A report of a UNDP mission led by Keith Griffin. Ulaanbaatar. July 2001. P. 4].

В 2000 г. в Монголии проживало 2 373 500 человек. Если бы прирост населения за по-

следние 10 лет оставался на уровне рубежа 90-х гг. (2,9%), то сегодня его численность составила бы 2 799 300 (на 17%, или 425 800 чел., выше) [Там же. Р. 5]. При этом доход на душу населения был бы еще ниже, а процент бедного населения – выше.

За 10 лет реформ уровень рождаемости резко снизился с 36,5% в 1989 г. до 20,4% в 2000 г., или – на 44%. Для этого положения существовали следующие причины: падение числа браков (40% за тот же период), широкое распространение контрацептивов, увеличение числа аборт и увеличение временного периода между рождением детей. В результате процент женщин репродуктивного возраста сократился с 4,6 до 2,2%, то есть наполовину. Уровень фертильности женщин на сегодня достаточен только для того, чтобы поддерживать стабильное воспроизводство нации.

Падение рождаемости сгладило экономические трудности и стало одним из факторов улучшения обеспечения детей и их матерей. Детская смертность сократилась на 41,8% по сравнению с 1989г., детей до 5 лет – на 40,7%. Материнская смертность снизилась с 240 человек на 100 тысяч в 1993г. до 119 в 1999 г. [UNDP, Human Development Report Mongolia 2000, Mongolia, 2000, Table 3.2.// <http://www.UNDP.mn>].

Новые экономические отношения, введение новых форм собственности привели к изменению системы общественного разделения труда, что повлекло за собой качественное и количественное изменение ранее существовавших социальных групп и появление новых социальных слоев.

Значительные изменения в жизнь животноводов внесли рыночные реформы и приватизация скота. Объединенные животноводческие хозяйства были распущены: все перешло к частным формам хозяйствования и новым экономическим отношениям. В большей части хозяйств поголовье скота не достигает 200 голов. Такое количество скота поддерживает лишь стабильный уровень жизни и делает хозяйства более подверженными рискам природно-климатических катастроф и изменениям рыночных цен.

Большая часть населения, потерявшая рабочие места, стала переходить из индустриального сектора в другие отрасли. Многие покинули города и мигрировали в районы. Число скотоводов резко выросло со 145 508 в 1990 г. до 487,6 тысячи в 2000 г. [Дагвадорж Ч., Бямбацэрэн П. Ядуурал, амин зуулга – оролцоо, хувь нэмэр: судалгаа, дүгнэлт, са-

нал, зөвлөмж. – УБ., 2001. х. 34]. То есть увеличение произошло на 183% за 10 лет. Животноводческий сектор смог принять такое количество рабочей силы ценой понижения продуктивности труда и доходов. Однако после джуды 1999 – 2000 гг. начинается резкий отток сельского населения в города: по официальным данным, 60,2% населения проживает в городах. При этом более 80% городского населения проживает в юрточных районах [Более 80% горожан Монголии проживают в юртах, однако 56% столичных семей имеют компьютеры // www.owasia.ru].

Большее половины городского населения страны проживает в Улан-Баторе [Улаанбаатор товчхон// Ulaanbaator.mn]. А если учитывать нерегистрируемую миграцию сельского населения в окраинные юрточные районы столицы, то цифры значительно изменятся. [К сожалению, данные по этому процессу отсутствуют. Этой проблемой не занимаются ни официальные власти, ни НГО].

С началом приватизации и введения рыночных механизмов в экономику изменилось и положение рабочих. В Монголии приватизация была проведена в два этапа. Малая приватизация предполагала разгосударствление мелких предприятий по ваучерам, а Большая – крупных через аукционные торги. Так как появились новые виды собственности, то рабочих можно классифицировать по типу собственности предприятия, на котором они работают:

1. рабочие государственных предприятий;
2. рабочие совместных предприятий, где присутствует иностранный капитал;
3. рабочие частных акционерных компаний.

Изменения формы собственности не повлияло кардинально на условия труда. Однако существенно изменился способ организации труда, трудовой дисциплины, контроля за работой и начисления заработной платы.

Средняя зарплата в энергетической, транспортной отраслях равна 40-80 тыс. тугриков (примерно 39 – 75\$USD). На государственных предприятиях в половину меньше. В результате общественного опроса выяснилось, что для 54,6% рабочих такой зарплаты недостаточно [Нийгмийн шинэчлэл: амьдралын хэв маягийн өөрчлөлт, под ред. Уртнасан. – УБ.: Урлах эрдэм. 2001 – х.165].

На 2001г. в Монголии было зарегистрировано 1537 совместных компаний с привлечением инвестиций 61 государства, на которых работает свыше 100 тыс. человек. [Там же. х.

167] Такие предприятия отличаются высокими капиталовложениями в новые технологии. И зарплата здесь на порядок выше, чем на государственных предприятиях.

Сегодня в Монголии существует около 60 частных предприятий. Частные компании не равны по составу рабочих, их численности, качеству работы, технологическим инновациям, экономическому потенциалу и направлениям развития. Поэтому и положение рабочих на данных предприятиях разное. Большинство таких предприятий являются семейным бизнесом с небольшим количеством рабочих мест.

Экономические реформы, изменение социально-политических настроений не оставили в стороне и слой интеллигенции. Основную часть этого слоя составляют работники ИТР, врачи, учителя и т.п., из которых 70% являются работниками бюджетной сферы. В подобных неблагоприятных экономических условиях государство не может достойно вознаградить их труд, поэтому зарплата у «бюджетников» не высокие.

После революции Белой Лошади и изменения политического режима слой руководящих работников обновился незначительно. По официальным данным на государственной службе находится 140 тысяч человек, из которых 40 тысяч занимают руководящие посты.

Вместе с рыночными отношениями появился новый социальный слой – предприниматели. Данные об их социальном происхождении и занятии до 90-х гг. отсутствуют, но можно предположить, что среди них немало бывших партийных и комсомольских деятелей. Основой для появления этого слоя стала приватизация государственных предприятий и разрешение предпринимательской деятельности. Особенно активно предпринимательская деятельность развивается в торговой и обслуживающей отраслях.

Как упоминалось выше, рыночные отношения неминуемо ведут к резкой дифференциации доходов, а в условиях экономического кризиса к обнищанию основной массы населения. После 1990г. социологи стали делить монгольское общество на три класса: высший, средний и низший.

К высшему классу в Монголии относят людей с доходом не менее 50 тысяч тугриков – 1,4%. В его состав входят владельцы крупных акционерных компаний, челноки с широкой сетью продаж, руководящие чиновники, люди свободных профессий [Нийгмийн

шинэчлэл: амьдралын хэв маягийн өөрчлөлт. под ред. Уртнасан. – УБ.: Урлах эрдэм. 2001 – х.195-196].

К среднему классу относят население с доходом от 54 тыс. до 250 тыс. тугриков – 52,4%. 40,3% среднего класса занимают положение ближе к бедным (54 тыс. – 100 тыс.), 46% – средний-средний класс (110 тыс. – 250 тыс.), 13,7% – высшая прослойка среднего класса [Дунд орлогтой хүмүүсийг эмзэг бүлгийн эгнээнд орохоос урьдчилан сэргийлэх арга замууд. под ред. Далай Ц., Оюунцэцэг Л. – УБ.: 2004г. – х 60].

В разрезе профессиональной занятости средний класс Монголии включает в себя: 37,8% – служащих, 25,2% – частных предпринимателей, 26,7% – негосударственных управляющих. По отраслевой принадлежности 45,2% из них заняты в сфере образования и здравоохранения, 17,9% – в сфере торговли и обслуживания, 14,9% – в промышленности и сельском хозяйстве [Там же. 61].

Для 62,1% основным источником доходов является зарплата, пенсия, пособие, для 34% соответственно – торговля, производство, обслуживание, наконец, для 3,9% – другие источники. Дополнительные доходы от бизнеса в Улан-Баторе получает 36,8%, и этот показатель выше в 4 раза, чем в худоне. Надо заметить, что 61,9% среднего класса проживает в Улан-Баторе. Хотя по большому счету принадлежность к среднему классу определяется не только способностью обеспечить себя минимальной потребительской корзиной, промышленными товарами, но и доступом к образованию, медицинским, культурно-оздоровительным услугам. С этой точки зрения, доля среднего класса сокращается до 35% [Там же. 61].

По результатам исследования доходов населения 46,2% – группа с низкими доходами, бедные. Правительство ввело несколько минимальных показателей (черты бедности) – доходы должны обеспечивать питание на 2100 калорий и некоторые непродовольственные потребности – около 50 тысяч тугриков.

В 2004 г. государственная статистическая служба в сотрудничестве с Мировым Банком и ООН провела исследование уровня бедности в стране. Исследование выявило, что население с доходом 50 тысяч тугриков и ниже составило 36%, то есть около 900 тысяч человек из населения страны около 2,3 миллионов были признаны проживающими за чертой бедности. Другими словами, 36 монголов

из 100 не имеют необходимых денежных средств, чтобы купить минимальную потребительскую корзину. Также в докладе отмечается, что уровень бедности в городе ниже (30%), чем на селе (43%). Причем в Улан-Баторе самый низкий показатель по стране. Две трети всех бедных проживает в сельских районах, и одна треть в городе [UNDP Mongolia Official Website. - // <http://www.undp.mn>].

Одним из ответов общества на экономические трудности 90-х стала массовая миграция населения в сельские районы. Доля занятых в животноводстве, на рынке труда возросла с 30% в 1990г. до 50% в 2000 г. Такой массовый переход к кочевому и полукочевому скотоводству стал реакцией безработных, обращающихся к мелкому скотоводству, чтобы обеспечить себя средствами к существованию в отсутствии других возможностей и ограниченных государственных пособий.

Уровень бедности в сельских районах вырос за последние 3 года из-за джуда (под последним понимается падение скота вследствие ухудшения климатических условий). Цифры потерь за это время очень противоречивы, но, по меньшей мере, было потеряно 6,8 млн. голов скота [A strategy for poverty reduction in Mongolia. A report of a UNDP mission led by Keith Griffin. Ulaanbaatar. July 2001. p 14].

Безработица – новое явление для постсоциалистического общества Монголии. Безработица само по себе явление нежелательное, лишаящее людей источников доходов, представляет собой невостребованный трудовой капитал. Невостребованность на рынке труда ведет к потере квалификации, знаний, и исключению индивида из участия в общественных делах. Безработица несет в себе определенные социальные издержки. Она ведет к душевной депрессии, пристрастию к алкоголю и наркотикам, повышению подверженности болезням, а иногда и самоубийству. Например, за период с 1990 по 1999 гг. общее количество преступлений, зарегистрированных на территории Монголии, возросло на 158% [Нямдаваа П. Нийгмийн хүрээний шинэчлэл, өөрчлөлт (1990 – 1999г.)// XXI зууны бостон дээрх Монголын улсын шинэчлэл, цаашдын хандлагууд. под ред. Батбаяра Ц. – УБ.: Адмон. 2000г. –х 88]. Это не говорит, что большинство преступлений совершили безработные, но безработица и криминальная активность являются двумя взаимосвязанными патологиями в развитии общества.

Среди безработных доля женщин больше чем мужчин. Экономическая и социальная

независимость женщин за время переходного периода была серьезно подорвана. Государственные учреждения и предприятия закрыли или сократили рабочие места для женщин. Предпочтение стали отдавать при приеме на работу мужчинам. Хотя по официальным данным негосударственный сектор занимает умеренные позиции в экономике, но возможно, что 20-40% жителей Улан-Батора заняты именно в этом секторе. Поэтому часть безработных являются таковыми только официально. Негосударственный сектор по своему составу разнороден. С одной стороны, это попрошайки, проститутки и мелкие торговцы. С другой, – владельцы мелких магазинов, водители такси, мелкие предприятия, негосударственные дилеры и операторы ломбардов. Специальных исследований в данной области не проводилось, поэтому оценить реальную ситуацию невозможно.

Таким образом, экономический кризис, отразившийся на доходах населения, стал одним из главных факторов падения демографических показателей 90-х гг. Появились новые социальные слои, произошли качественные изменения в других. Происходит становление новых отношений, позиций и правил поведения. На данный момент в Монголии продолжается процесс складывания новых социальных классов. Немаловажным фактором этого процесса является миграция сельского населения в юрточные районы Улан-Батора. Такая бесконтрольная миграция приводит к концентрации бедных в городе и нежелательным социальным последствиям. Но главной проблемой страны на сегодняшний день является растущая бедность, которая свидетельствует не только о неблагополучии в обществе, но и об устойчивой тенденции к его деградации. Общество входит в состояние глубокой депрессии (хотя это может быть лучше, чем непрекращающийся спад). В этом случае показатели экономического развития (например, производство валового продукта), а тем более финансовой сбалансированности (уровень инфляции и величина бюджетного дефицита) теряют свое значение в качестве главных.

Литература

1. A strategy for poverty reduction in Mongolia. A report of a UNDP mission led by K. Griffin. UB. 2001. 194p
2. UNDP Mongolia Official Website. - // <http://www.undp.mn>

3. Более 80% горожан Монголии проживают юртах, однако 56% столичных семей имеют компьютеры //www.owasia.ru

4. Дагвадорж Ч. Бямбацэрэн П. Ядуурал, амин зуулга – оролцоо, хувь нэмэр: судалгаа, дүгнэлт, санал, зөвлөмж - УБ.: 2001. 34 х.

5. Дунд орлогтой хүмүүсийг эмзэг бүлгийн эгнээнд орохоос урьдчилан сэргийлэх арга замууд. под ред. Далай Ц., Оюунцэцэг Л. – УБ.: 2004г. – 65х.

6. Нийгмийн шинэчлэл: амьдралын хэв маягийн өөрчлөлт. под ред. Уртнасана. – УБ.: Урлах эрдэм. 2001 – 207х.

7. Нямдаваа П. Нийгмийн хүрээний шинэчлэл, өөрчлөлт (1990 – 1999г.)// XXI зууны босгон дээрх Монголын улсын шинэчлэл, цаашдын хандлагууд. под ред. Батбаяра Ц. – УБ.: Адмон. 2000г. – 188х.

8. Ринчинбазар Р. Цэдэндамба Л. Монгол улсын үндэсний хөгжлийн хөтөлбөр боловсруулах арга зүй – УБ.: Монсудар, 2003. 118х.

9. Улаанбаатор товчхон//Ulaanbaator.mn

Т.В. Кухаренко

Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ

Исследование реформирования системы высшего образования КНР в условиях рыночной экономики

Переход к рыночной экономической системе является неотъемлемым условием органического взаимодействия КНР с другими странами. В процессе 20-летнего реформирования системы образования КНР особое внимание уделяется реорганизации высшего образования. Реформы затронули различные стороны системы образования КНР: социальную, экономическую, юридическую и др. Основной проблемой реформирования является возможность внедрения системы высшего образования в современную рыночную экономику КНР. Как рыночная экономика может повлиять на высшее образование КНР? Здесь возникает целый ряд проблем, связанный, в первую очередь, с тем, что во времена плановой экономики образование в КНР было бесплатным и государство обеспечивало студентов всем необходимым. В настоящее время, когда высшие учебные заведения стали финансироваться главным образом частными спонсорами, то расходы на образование легли на обучающихся, в результате чего появился имущественный ценз на получение высшего образования: оно стало доступно только наиболее обеспеченным гражданам. Поэтому стало необходимым изучать возможные перспективы данного процесса, т.к. от того, насколько продуманными будут дальнейшие реформы, будет зависеть жизнь всего общества КНР.

T.V. Kukharensko

The Research of the Transition of the Higher Education to the Market Economics in China

The transition of the Higher education to the market economics is very important to interaction of China with other countries. Beginning in the late 1970s the Higher education intensively developed. The modest number of Higher education – focused papers of the 1980s was followed in the 1990s by a significant increase in teacher resource books, clearly a reflection of renewed interest in the structure of Chinese Higher education. Since 2002 China has joined to the Bologna Process. The goal of this article is to analyze the problems of modern Higher education in China. The author researched the historical, economical and political reasons of joining China to the Bologna Process. It is also very important for our country, because the Russian Federation has to get ready for this. The experience of China may help us defining the outlook of the transition of the Russian Higher education to the Bologna Process.

Исторические предпосылки перехода к системе Болонского процесса

Переход к двухступенчатой системе увенчал собой длительную историю развития образовательной системы в Китае. В начале 1960-х гг. в КНР была окончательно принята многоуровневая система высшего образова-

ния, в которой особое место уделялось бакалавриату. Число бакалавров достигло 644 008 чел., специалистов 30 428 чел., аспирантов 4546 чел., что составляло 94,8%, 4,5% и 0,7% от общего числа обучающихся соответственно. Начиная с 1978 г., система высшего образования также продолжала реформиро-